

Александр Иванович Куприн

Фердинанд

Александр Иванович Куприн

Фердинанд

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172692

Содержание

4

Фердинанд

Новогодний рассказ

* * *

В моей чересчур длинной жизни я был участником и свидетелем таких явлений и курьезных приключений, о которых теперь побаиваюсь и рассказывать: до такой степени они кажутся издали неправдоподобными. А ведь русский читатель, изо всех читателей в мире, наиболее чуток на ложь, на вранье или даже на простое преувеличение.

Ну, кто мне поверит, например, что летом 1896 года, в южном Полесье, в деревне Казимирке, я видел град величикою приблизительно в кулачок двенадцатилетнего мальчугана? Я очень жалел тогда, что у меня не было под руками фотографического аппарата, чтобы снять эти огромные градины рядом с каким-нибудь простым предметом домашнего обихода: с папиросной или спичечной коробкой, с малой бутылкой из-под казенного вина, с обыкновенным чайным стаканом и так далее... Этот град почти мгновенно выбил все стекла и ставни в старом помещицьем доме и обезлиствил всю плантацию тутовых деревьев. Он убил в поле мальчика-подпаса и несколько десятков ягнят, а крупному скоту причинил множество тяжелых ушибов.

Зимою, не помню какого года, но твердо знаю – в день мессинского землетрясения, – мы вышли, я и Арапов, управляющий маленьким имением покойного Ф. Д. Батюшкова, – ранним нехолодным утром потравить зайцев. Мы перешли через холмистое урочище, называвшееся «Попов пуп», и искали зайцев в полях и коречках, принадлежавших тристенским мужикам.

Следы были неясны, а собаки (почти все – дворняжки) – вялы и небрежны. И мы обое шли как-то нехотя. Снег нам казался скучно-желтым.

И вдруг Арапов воскликнул:

– Александр Иванович! Смотрите! Смотрите же!

Он был холодно-смелый человек. Он участвовал в Цусимском погроме, будучи матросом на транспорте капитана Куроша, перенес крушение, спасся вплавь, пробыл почти год в японском плену, где держал себя с большим достоинством.

Меня удивило, почти испугало выражение ужаса, которое я услышал в его голосе:

– Да смотрите же на небо.

А на зимнем скучном небе сияли радуги. Не радуга, а именно радуги. Они шли сводчатым, полукруглым коридором от севера на юг и с каждой секундой становились все ярче и ярче. Собачонки завыли, да и мы не знали, что делать, что говорить... А потом эта семицветная аркада стала постепенно тухнуть... и вскоре пропала.

Лениво и беззвучно повалил снег лохматыми хлопьями...

Еще видел я однажды черную молнию. Это было в окрестностях села Курши, Касимовского уезда.

После нестерпимо знойного и душного дня, после совсем неудачной охоты вечерняя гроза застала меня на большом болоте. Это была одна из тех, длящихся беспрерывно, от заката до восхода, гроз, которые бывают в так называемые «воробьиные ночи». Рассказывают, что после таких ночей находят на полях и на дорогах множество убитых или ошеломленных воробьев. Верно ли это – я не знаю; никогда не пришлось проверить.

Больше часа я шел до дома. Была уже ночь, но дорогу я легко находил, потому что, ни на секунду не переставая и сливаясь одна с другой, полыхали во все южное небо, точно дышали, точно сжимались и расширялись дальние голубые молнии. И так же непрерывно рокотал где-то под землею сдержанно глухую угрозою далекий гром. И вдруг совсем близ меня ослепительно разодралось небо черными зигзагами, и оглушая трахнул сухой гром. Это странное явление повторилось еще пять или шесть раз, вселяя в меня дикий ужас.

Повторяю: на колыхающейся бледно-голубой завесе дальних молний эти молнии были черные, хотя и ослепляли. Конечно, это был оптический обман, объяснить который я не умею. Старые лесники, живущие в низинах, подтверждали мое наблюдение...

Я спросил бы еще: многие ли видели волка, бегущего на

свободе вверх ногами, вниз головой? Я думаю, что не очень многие. Мне это пришлось увидеть всего лишь раз в жизни.

Я тогда обмерял для нескольких волостей Зарайского уезда площади крестьянских лесов. В каждой деревне ко мне прикомандировывали нескольких мужиков. Они таскали за мною цепь, треногу и аппарат, втыкали вешки, куда я им указывал, обрубали мешающие ветки и так далее. Работа моя была самая пустая: обход площади. Ее легко можно было бы делать простой компасной съемкой, и мне даже было стыдно, что за неимением компаса я работал с таким тонким, прекрасным инструментом, как теодолит, да еще изделия самого господина Цейса.

Стояла ясная, холодноватая и в лесах такая ароматная осень.

Выдался однажды прелестный золотой денечек. Я расставлял вешки по одной стороне молодого липового леса, который почему-то назывался «Зиньтабры». Вдруг мои мужики закричали:

– Волк! волк!..

Они показывали пальцами куда-то далеко, далеко и неопределенно, туда, где лежали желтые и синие осенние нивы и изредка торчали кустики. Я с трудом увидел, наконец, крошечное пятнышко, которое медленно двигалось по горизонту. Мне все-таки удалось поймать его в визирную трубку довольно скоро. Удивительное зрелище: матерый, бесшей, толстохвостый, бурый волчище тряской, собачьей рысью бе-

жит по воздуху вниз головой, ногами вверх... Небо у него под головою, а земля упирается ему в ноги. До него было версты, пожалуй, три. Но чудесный теодолит приблизил его сажень на сто. Поворачивая винтик визира, я успел показать волка мужикам. Они дивились, смеялись и хлопали себя ладонями по ляжкам.

Я мог бы без конца говорить о моих необыкновенных встречах, приключениях и наблюдениях: о доменных печах и о шахтах почти в версту глубиною, об аэропланах и водолазных скафандрах, о необыкновенном уме животных и об этом загадочном существе, человеке, размах которого так велик, что порою падает ниже гиены, а порою взлетает на высоту почти божественную. Но сегодня, перелистывая страницы моей памяти, я в них ничего не нашел новогоднего, кроме одного маленького рассказа. В нем, правда, нет ничего волшебного, необычайного, сверхъестественного или трогательного.

В нем одно достоинство: то, о чем я в нем говорю, действительно произошло под новый 1898 год в городе Киеве.

Я в тот год работал в газете «Жизнь и искусство». Писал повести и рассказы. Моя изящная литература была в сущности для этой газеты, которая медленно, но верно умирала, чем-то вроде камфары или соляного раствора. Гонорара мне давно уже не платили. С полгода назад редактор подал мне светлую мысль:

– Разыщите где-нибудь объявление. Плату за него вы возьмете себе, а мы такую же сумму спишем с нашего долга.

Раза три эта веселая комбинация мне удалась. Потом пошло хуже. Клиенты мои стали предлагать очень низкие цены, да при этом еще платили не деньгами, а своим товаром, натурой. И вот что случилось: я щеголял в шикарном блестящем цилиндре, между тем как мои ботинки просили каши, или раздавал всем своим знакомым в подарок патентованные зубные щетки или несравненную пудру «Трефль Инкарна» в кокетливых коробочках. Оскорбительнее всего был тот случай, когда похоронное бюро предложило мне за объявление кредит в своем торговом доме. Кому я мог бы предложить такой сюрприз?

Редакция уже давно была должна мне около сорока рублей (считая по две копейки за строку). Почему я не уходил оттуда? не понимаю! Может быть, из рыцарского чувства, может быть, просто по упрямству, а пожалуй, от лени.

На встречу Нового года я был заранее приглашен знакомым нотариусом с Подола. Я часто бывал у него, запросто, по вечерам. Учил его детей Юру, Илюшу и Сашу фехтованию на рапирах, а также охотно дрессировал их превосходного белого пуделя Мухтара. (Я никогда потом в жизни не встречал другой собаки, которая бы с такой жадностью ловила уроки.) Нотариус, бывший правовед, угощал меня плохенькой марсалай и читал мне вслух французские стихи, которых я совсем не понимал.

Но как пойдешь под Новый год в большой, ярко освещенный дом, где мужчины во фраках, где женщины прекрасны и блестящи, где тебе поневоле кажется, что самое пристальное внимание всего общества обращено исключительно на протертые и заплатанные места твоего жалкого туалета, где сидишь за столом, спрятав поглубже руки и ноги.

Я написал вежливый отказ; сам снес конверт на Подол и сам просунул его в дверь нотариальной конторы.

Весь день я ходил, посвистывал и утешался отрицательной философией:

– Новый год. Что за предрассудок? Чему радоваться? Чего ждать? Все равно каждый человек с момента рождения уже приговорен к смертной казни. Почему же все люди не сходят с ума при мысли об этой обреченности? Не одно ли и то же ждать рокового момента восемьдесят лет или два дня? В бесконечности времени и оба срока одинаково ничтожны.

Однако на всякий случай я все-таки пошел на разведки в редакцию. Бывают же чудеса на свете. Хоть бы признать у кого-нибудь двугривенный.

В редакции никого не было. В конторе светился огонь. Я постучал.

В конторе за зеленым столом сидела младшая дочка редактора, лет пять назад просто Тиночка, у которой я тогда в играх служил лошадю, иногда беговой, иногда скаковой, а теперь – милая пятнадцатилетняя толстушка Валентина

Митрофановна.

– Ах, денег бы мне, прелестнейшая из барышень. Новый год идет.

– Я бы рада была, но, право же, в кассе ни копейки.

– Тиночка, поищите в ящике хорошенько. Может быть, какая-нибудь мелочь на мое счастье найдется?

Она вспыхнула до слез.

– Неужели вы мне не верите?

И выдвинула ящик.

– Смотрите сами.

Я посмотрел и увидел – о чудо! – целый десяток загородных семикопеечных марок!

– О, добрая Тина. Марки – это деньги. Поделитесь ими со мной.

– Вы смеетесь надо мною. Это нечестно.

– Милая, очаровательная Тина, я серьезен, как Дон-Кихот перед битвой. За каждую из этих марок я получу в любой мелочной лавке по шести копеек. Дайте, сколько вам не жаль.

– Вы человек без совести! – сказала Тина с горьким упреком. – А еще я вас считала за друга. Берите все.

Я от души пожелал ей гору счастья в будущем году и побежал в ближайшую лавчонку.

Вечером я пообедал, как Лукул, в «Злой яме». Так назывался подземный трактирчик на углу Крещатика и Фундуклеевской улицы. В этом кабачке, сидя за столом и задрав голову кверху, посетители могли при старании видеть лишь

узенький кусочек высокого тротуара и бегущие по нему сапоги, башмаки и туфельки. Здесь даже и летними днями горели лампы. Посетителей в этот день было очень мало, да и те скоро разошлись. Остались только я да еще какой-то неизвестный мне человек с видом печального какаду, сидевший рядом со мною.

Часам к одиннадцати толстый хозяин кабачка присел за наш стол и даже пригласил сесть своего жирного мопса – почете, которую он оказывал только самым любимым посетителям. Подсела также его буфетчица – огромная немка Лиза, которую все мы звали «Пферд»¹, на что она совсем не обижалась. Хозяин, Нагурный, потчевал нас пуншем. Он познакомил меня с унылым соседом. Он был хозяином маленького паноптикума, помещавшегося в этом же доме, в первом этаже. Тоскливо тянулось время, а когда оно подошло к полуночи и часы зашипели, я достал блокнот и написал на нем, по старому обычаю: «Господи, благослови венец лета благодати твоя на 1898 год».

Нужно было бы еще сюда приписать какое-нибудь заветное желание, но я не нашел ни одного. Оттого, вероятно, и весь этот год у меня был такой прескверный.

Выходили мы вместе с какаду. Когда мы вылезли из подвала, он сказал мне:

– Пойдем на мой паноптикум. Я буду вас угощать с венгерским вином. – Бог его знает, какой он был нации.

¹ Лошадь (от нем. pferd).

Я согласился. Мы поднялись на несколько ступеней. Он открыл дверь ключом и засветил огарок свечи.

– Идите за мной. Я сейчас зажгу лампу.

Я, следом за ним, вошел в очень большую темную залу. Скучный свет огарка метался и прыгал по стенам, и какие-то призраки теней дрожали, качались и падали между полом и потолком. Мне стало томительно скучно. «Зачем я сюда полез, в самом деле?»

Зажглась лампа-молния, и я увидел себя в обыкновенном музее восковых фигур. Лежала мертвая, невздыхающая Клеопатра, и тонкая змейка неподвижно уткнула тонкую голову в ее красный сосок. Недвижимо окаменела в беге огромная волосатая горилла, держа на плече точно окаменевшую полуголую женщину. Со всех стен мертво таранились на нас из-под стеклянных колпаков знаменитые люди, убийцы, императоры, политики, все сплюснутые, скошеные набок от жары и небрежной перевозки. Какие-то банки с уродами на столах. Мне стало неприятно, почти жутко, пожалуй, я лучше чувствовал бы себя в морге. В морге все ясно: «Вот лежат бесчувственные предметы, бывшие раньше людьми». А тут как будто бы заснули странные мертвые существа, которых каждый день пробуждают к мертвой механической жизни. А вдруг они видят сны?

Хозяин пришел с двумя стаканами и поставил на стекло витрины.

– Хрозит! Хох! Нейяр! ² – воскликнул он громко, и какие-то шелестящие голоса в ответ ему зашуршали по залу. Я чокнулся с ним. Вино было в самом деле превосходное. Но больше одного глотка я не мог сделать. А вдруг оно из древнего саркофага?

– А теперь, – сказал хозяин, – пойдете. Я буду вам показать самый замечательный... О, это гвоздь моего музея, это его центр, это настоящий хозяин паноптикума. Это сам Фердинанд.

Ведя меня, он продолжал говорить:

– Он мудр. Он знает все: и прошлое и будущее. Он работал еще с моим дедушка в музее знаменитого Барнум. Сколько ему лет? Вы скажете сто, двести. А я скажу, что, может быть, и две и четыре тысячи. О! Это Фердинанд!

Он присел на корточки перед большим ящиком, окутанным байковыми одеялами, и стал бережно разворачивать материю. Я заглянул в ящик. Сначала мне показался там какой-то масляный, матовый, темный блеск, потом зашевелилось что-то живое. Наконец из ящика вытянулась узкая плоская длинная голова.

– Змея! – воскликнул я с отвращением.

– Змея! – передразнил меня хозяин. – Есть много людей, но король только один. Есть много змей, но выше их всех – боа констриктор. Это Фердинанд. И больше не надо никаких

² Ваше здоровье! Ура! С Новым годом! (нем.)

слов! О мой сынока, о мейн гросс-папа, мон пети и жоли! ³

– Молодой человек, – продолжал он, – вы видите на этом стуле клетку с кроликом. Это новогодний подарок моему сокровищу, моему красавцу Фердинанду. Сейчас я буду его кормить. Вы увидите самое трогательное в мире зрелище.

Вид огорченного какаду совсем сошел с лица моего собеседника, глаза его были полны нежной ласки. Мне большого труда стоило отказаться от его любезности. «А что, – опасно думал я, – вдруг ему придет в голову угостить своего божественного удава ради праздника лакомым блюдом из молодого человека двадцати восьми лет?» Вот уж где следы преступления будут надежно спрятаны навеки.

Но зачем дурно думать о людях. Этот сумасшедший хозяин самым учтивым образом проводил меня не только до дверей, но даже и до улицы.

На прощанье он крепко пожал и потряс мою руку.

– Заходите, мой друг, на мой паноптикум хоть каждый день. Вход для вас всегда будет без плата. И если приведете с собой вашу красивую возлюбленную, то и ей тоже одна контрамарка.

Мы простились. Но, – силы небесные, – с какой радостью я глядел на ночное небо, и на свежий снег, и на уличные огни. И с каким наслаждением вдыхал прекрасный, сладкий, чуть морозный воздух.

³ О мой дедушка, мой маленький и красивый! (нем. и франц.)